

УДК 343.9:328.185

Ю. В. ЛАТОВ,

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент

Академия управления МВД России, г. Москва, Россия

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

Цель: изучить состояние, динамику и тенденции институциональной коррупции в России и определить ее место в системе угроз национальной безопасности.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: в статье осуществлен комплексный анализ институциональной коррупции. В частности, рассмотрены динамика доминирующих форм коррупции, динамика уровня коррупции, динамика антикоррупционной деятельности полиции, циклы противодействия коррупции, а также намечены пути развития антикоррупционной политики в России.

Научная новизна: дано определение институциональной коррупции, раскрыты этапы и формы ее развития в постсоветской России.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе учреждений высшего профессионального образования.

Ключевые слова: институциональная коррупция, угроза национальной безопасности, антикоррупционная деятельность, антикоррупционная политика.

Коррупция как системная угроза безопасности.

Взаимообусловленность собственности и власти в легальной сфере экономики в постсоветской России, как и в «позднем» СССР, дополняется нелегальной системой институциональной коррупции. Институциональную коррупцию следует определить как устойчивую неформальную норму взаимодействия государственных служащих с гражданами (или юридическими лицами), в основе которой лежит принцип предоставления государственной услуги за личное вознаграждение или иную корыстную выгоду.

В демократическом обществе коррупционное поведение политиков и государственных чиновников является частным проявлением конфликта принципа и агента. Речь идет о том, что политики и чиновники служат интересам граждан-принципалов, которые, однако, из-за асимметрии информации не могут проконтролировать все действия своих агентов, некоторые из которых склонны к оппортунистическому поведению. В обществе без демократических традиций, где нет эффективного гражданского контроля, использование государственными служащими своего положения для личных целей рассматривается не как оппортунизм, а как неформальная социально-экономическая норма.

Устойчивость институциональной коррупции в постсоветской России связана во многом с тем, что

для российской цивилизации, как и для всех незападных цивилизаций без традиций гражданского общества, вообще имманентна коррумпированность государственного аппарата. Формирование традиции брать с просителей «посулы» и «подарки» происходило в Московском государстве XVI–XVII вв. параллельно с формированием профессиональной бюрократии. В СССР злоупотребления служебным положением являлись типичным явлением – особенно, с 1970-х гг., когда государственные служащие высокого ранга окончательно сформировали экономику «блата», где закрытый государство-класс (номенклатура) стремился создать для себя комфортные условия жизни (с элементами демонстративного потребления).

Если для формирования новых экономических институтов коррупция во многом может быть оценена как позитивный ресурс, то их устойчивое развитие она, наоборот, не только тормозит, но и принимает характер угрозы. Экономическая деструктивность коррупции находит выражение в том, что она препятствует развитию конкуренции, повышает транзакционные издержки товаропроизводителей, дезориентирует систему государственного управления (в частности, бюджетные процедуры). Как показывает опыт, например, Украины 2013–2014 гг., высокий уровень

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность д-ру экон. наук Ю. Г. Наумову за помощь в сборе материалов.

коррупции провоцирует не только экономические, но и политические катаклизмы².

Постсоциалистические страны Балтии и Восточной Европы хотя и пережили в 1990-е гг. вспышку коррупционных отношений, но затем смогли их существенно снизить. В России даже в начале 2010-х гг. так и не сформировалась устойчивая тенденция снижения распространенности коррупционных отношений.

Динамика доминирующих форм коррупции. С начала радикальных рыночных реформ развитие институциональных коррупционных отношений в России прошло следующие четыре этапа, определяемые изменением взаимоотношений между бюрократией и бизнесом:

1) первая половина 1990-х гг. — деловая коррупция в форме эпизодических взяток предпринимателей чиновникам (прежде всего, за «помощь» в приватизации) становится обязательным элементом бизнес-деятельности;

2) вторая половина 1990-х гг. — формирование системы регулярных «откатов» (взятки в форме процентов от контрактов и договоров) и устойчивых связей между политиками и олигархическим бизнесом;

3) первая половина 2000-х гг. — в условиях усиления административного ресурса происходит сдвиг от «скупки государства» к «скупке бизнеса»;

4) со второй половины 2000-х гг. — параллельное усиление институциональной коррупции и формирование официальной антикоррупционной стратегии; в рамках коррупции как «скупки государства» происходит сдвиг от рыночной к сетевой коррупции.

В 1990-е гг. в постсоветской России сложился своеобразный порочный круг: современный российский рынок являлся продуктом неразвитой демократии, а неразвитая демократия, в свою очередь, становилась результатом неконкурентного рынка³ [1, 2]. Возникли новые формы взаимодействия политического и эко-

номического монополизма в субъектах Российской Федерации, получившие в отечественной литературе название административного ресурса. Административный ресурс — это, с одной стороны, накопленная политическая рента (следствие присвоения политической ренты), а с другой — потенциал политика, позволяющий ему получать политическую ренту в будущем (предпосылка получения политической ренты) [3, с. 283–293]. Административный ресурс могут накапливать не только политики, но и высокопоставленные государственные чиновники. В развитых странах формирование того, что у нас называют административным ресурсом, однозначно называют коррупцией.

При анализе исторической эволюции коррупционных отношений в постсоветской России необходимо учитывать, что общим названием «коррупция» называют ряд качественно различных институтов, которые хотя и имеют схожие симптомы, однако по-разному детерминированы и имеют разные внутренние механизмы. Часто подчеркивают, в частности, разницу между ситуациями, когда инициатором коррупционных отношений является «проситель» (это называют «скупкой государства») и когда инициатором является вымогатель-чиновник («скупка бизнеса»). Кроме того, если предприниматель или гражданин хочет дать взятку коррумпированному руководящему лицу, то это лицо может далеко не от каждого ее принимать. Даже в 1990-е гг., когда борьба с коррупцией велась не слишком активно, было заметно, что от коррупции выигрывают больше и чаще не те, кто может дать более крупную взятку, а те, кто имеет лучшие связи и может получать преференции без явного подкупа. Ограниченность доступа к выгодам от коррупции еще более усилилась в 2000-е гг., когда «охота» на коррупционеров стала одним из элементов конкуренции между чиновниками и ведомствами.

Если воспользоваться предложенной К. Поланьи типологией отношений обмена, то можно выделить три основные формы коррупционных отношений, соответствующие дарообмену (реципрокности), централизованному перераспределению (редистрибуции) и рынку (табл. 1). Трудности борьбы с коррупцией в странах догоняющего развития (включая Россию) связаны в первую очередь именно с тем, что воспроизводство коррупции в них тесно связано с воспроизводством реципрокности и редистрибуции. В частности, сдвиг в России 2000-х гг. от «скупки государства» к «скупке бизнеса» и от рыночной коррупции к сетевой целесообразно связать не только с усилением антикоррупционного контроля и централизацией

² Хотя киевский Майдан начался под лозунгами борьбы за евроинтеграцию, надо понимать, что этот абстрактный лозунг воспринимался гражданами Украины в первую очередь как надежда на перелом в борьбе с коррупцией, поскольку интеграция с Западной Европой предполагает, среди прочего, и переход на европейские стандарты политической и предпринимательской деятельности. Соответственно, националистические выпады в адрес «москалей» находили массовую поддержку, поскольку российский политический режим воспринимался на Украине (вряд ли справедливо) как главный транслятор институтов коррупции.

³ Описание институтов взаимосвязи не-конкурентного предпринимательства и не-конкурентной политики см., например, по: [1, 2]

неформальных отношений (усилением роли административного ресурса), но и в целом с ренессансом институтов власти-собственности.

Таблица 1

**Основные типы коррупционных отношений
в постсоветской России***
(The main types of corruptive relations
in post-Soviet Russia)

Типы коррупции	Соответствующие исторические типы отношений обмена	Инициаторы коррупционных отношений	Условия участия в коррупционных отношениях	Развитие в пост-советской России
«Скупка государства» как сетевая коррупция	Ранговый дарообмен (реципрокность)	«Проситель» – предприниматель или гражданин	Взятополучатель и взятодатель входят в единую социальную сеть	Усилилась в 2000-е гг.
«Скупка бизнеса»	Централизованное перераспределение (редистрибуция)	Чиновник	Взятополучатель имеет административный ресурс, позволяющий «давить» на взятодателя	Усилилась в 2000-е гг.
«Скупка государства» как рыночная коррупция	Рынок	«Проситель» – предприниматель или гражданин	Взятополучатель и взятодатель взаимодействуют как атомизированные продавец и покупатель	Ослабла в 2000-е гг.

* Источник: составлено автором.

Динамика уровня коррупции. Среди обществоведов продолжают дискуссии о том, хороши или плохи последствия институциональных изменений 2000-х гг., когда коррупционные отношения стали более централизованными и более сетевыми [4]. Для ответа на этот вопрос необходимо оценить, как количественно изменилась коррупция.

Согласно индексу восприятия коррупции (CPI), обобщающему оценки зарубежных экспертов, на протяжении 1990–2010-х гг. в России наблюдались волнообразные колебания общего уровня коррупции в диапазоне 2–3 баллов (рис. 1). Это означает, что коррупция в России устойчиво находилась на очень высоком уровне – почти как в Нигерии, режим которой называют «корруптократией». В то время как во многих других странах с аналогично-высоким уровнем коррупции (например, в той же самой Нигерии) этот индекс демонстрировал долгосрочную тенденцию к росту (т. е. происходило снижение коррупции), в нашей стране такую тенденцию заметить труднее. Лишь с 2011 г. наблюдается некоторое повышение российского индекса, но не ясно, станет ли это началом долгосрочной тенденции или только очередной волной (как в начале 2000-х гг.).

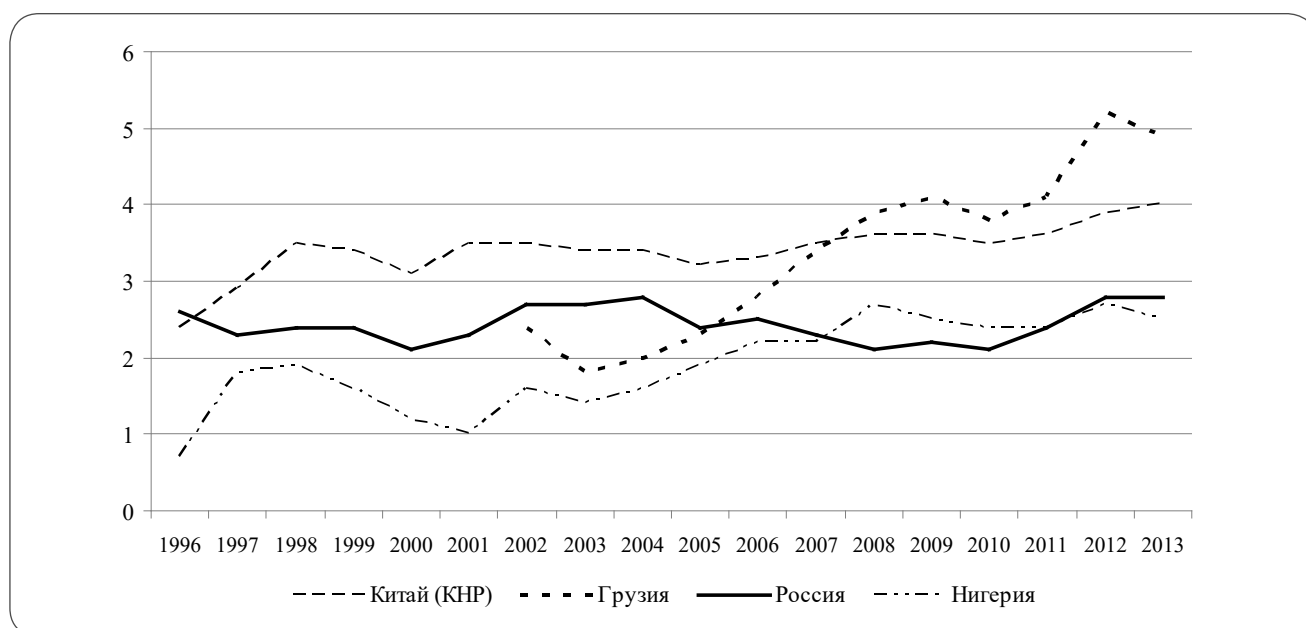

Рис. 1. Динамика индекса восприятия коррупции (CPI) в Китае, Грузии, России и Нигерии в 1996–2013 гг.^{4*}
(Fig. 1. Dynamics of corruption perception index (CPI) in China, Georgia, Russia and Nigeria in 1996–2013)

* Источник: составлено по материалам «Transparency International» (признана нежелательной организацией в РФ с 21.03.2023 / recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 21.03.2023) .

⁴ С 2012 г. при расчете CPI стала использоваться новая методика – в частности, вместо 10-балльной шкалы теперь используют 100-балльную. Тем не менее, индексы 2012–2013 гг. можно приблизительно сопоставлять с индексами предыдущих лет, разделив их на 10.

Данные социологических опросов граждан и предпринимателей России дают несколько больше оснований для оптимизма. В середине 2000-х гг. сенсацию вызвали результаты исследования сотрудников ИНДЕМ, согласно которым в 2001–2005 гг. происходило снижение интенсивности деловой коррупции, но одновременно – рост на порядок величины взяток, так что годовой объем рынка деловой коррупции подскочил с 11 до 54 % ВВП [5]. Хотя эту оценку подвергали критике за преувеличение, однако последующие исследования (например, в рамках BEEPS⁵) подтвердили тенденцию к относительному сокращению бизнес-участников коррупции при одновременном росте относительной величины коррупционных взносов. Что касается сферы бытовой коррупции, то, по данным ИНДЕМ, в ней в 2000-е гг. сократилась и интенсивность коррупции, и относительная величина коррупционных взносов (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика количественных характеристик
коррупции в постсоветской России***

**(Dynamics of quantitative characteristics of corruption
in post-Soviet Russia)**

Характеристики коррупции	Год				
	2001	2002	2005	2010	2012
Деловая коррупция (взяткодателями являются предприниматели) – согласно BEEPS					
Доля (%) фирм, платящих взятки		62,0	59,9		28,9
Средний процент от годовых продаж, уходящий на взятки		2,3	1,8		8,9
Доля фирм (%), которые не считают коррупцию препятствием вообще, или считают ее малым препятствием		71,0	61,0		54,0
Бытовая коррупция (взяткодателями являются рядовые граждане) – согласно ИНДЕМ					
Интенсивность коррупции (среднее число взяток в год для дающих взятки)	1,2		0,9	0,8	
Доля среднегодового коррупционного взноса в величине прожиточного минимума, %	144		81	70	
Годовой объем рынка бытовой коррупции, отнесенный к ВВП, %	1,0		0,6	0,4	

* *Источник:* составлено на основе BEEPS по России (в обработке М. В. Кравцовой); [6].

Таким образом, по результатам корруптологических исследований можно утверждать, что на протяжении 2000–2010-х гг. изменения коррупционных

отношений были позитивны для рядовых граждан, но, скорее, негативны для предпринимателей. Видимо, централизация и «сетевизация» коррупции стимулирует одни формы бизнеса (прежде всего, крупный бизнес, сращенный с властью) и дестимулирует другие его формы (малый бизнес).

Динамика антикоррупционной деятельности полиции. Официальная статистика зарегистрированных коррупционных преступлений, в отношении которых проводилось расследование, охватывает лишь 1–5 % реальной коррупционной преступности, имеющей очень высокий уровень латентности. Уголовный кодекс РФ не охватывает многих форм и видов социально опасной и реальной коррупции, которая имеет, как правило, институционализированный характер, будучи связанной с традициями реципрокности и редистрибуции. В частности, в современном УК РФ до сих пор не предусматривается ответственности за коррупционный лоббизм, за покровительство родственникам и друзьям (непотизм), за взносы на политические цели (например, на выборы) с последующей расплатой лоббированием интересов взносодателя или государственными должностями, за совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью; и т.д. Тем не менее наблюдение за динамикой официально зарегистрированных коррупционных преступлений (рис. 2) позволяет сделать ряд важных выводов об эволюции антикоррупционной политики.

Статистика официально зарегистрированной коррупционной преступности показывает, что в 1991–1995 гг. наблюдался ее спад (максимальное снижение свыше чем на 15 % наблюдалось в 1993 г.), хотя общее количество зарегистрированных преступлений за этот же период возросло в 1,5 раза. Этот парадокс объясняется тем, что в первой половине 1990-х гг. деградирующая система государственного управления принципиально не могла эффективно противодействовать коррупции и даже адекватно регистрировать ее проявления, поэтому регистрируемая коррупционная преступность сокращалась, хотя происходило фактическое ее расширение.

Динамика преступлений данного вида стала более реально отражаться в официальных источниках только с середины 1990-х гг. Статистика МВД России свидетельствует о приростах этого вида преступлений на 13 % в 1996, 1998 г. и 2000 г., на 20 % в 2004 г. и на 9 % в 2005 г.). Это стало отчасти следствием усиления активности правоохранительных органов, которые к этому времени смогли накопить опыт раскрытия и расследования коррупционных преступлений, объективно сложных по доказыванию. Более важно, однако, что

⁵ BEEPS – «Исследование бизнес среды и эффективности предприятий» – мониторинговый опрос малых и средних фирм, работающих в производственном секторе и в сфере услуг, организуемый совместно ВБ и ЕБРР.

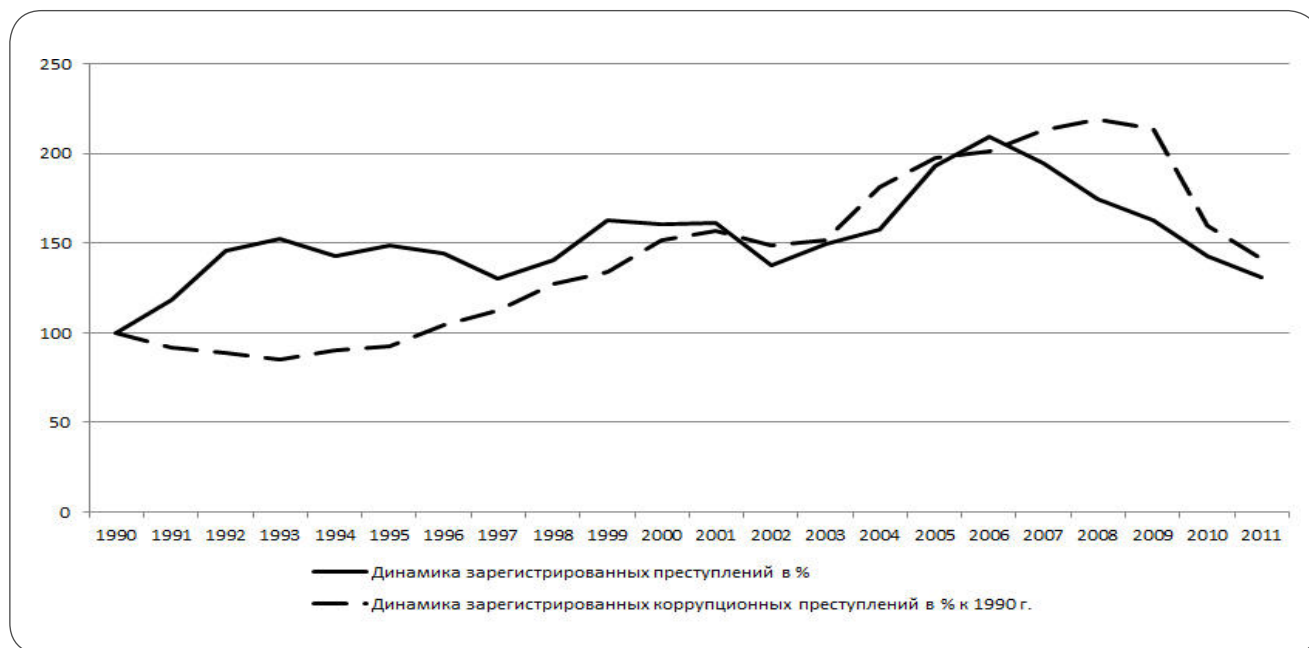

Рис. 2. Динамика общего количества зарегистрированных преступлений и зарегистрированных коррупционных преступлений (показатели 1990 г. приняты за 100 %)*

(Fig. 2. Dynamics of the total number of registered crimes and registered corruptive crimes (indicators of 1990 are taken for 100 %))

* Источники: Наумов Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2014. С. 27.

на рубеже 1990–2000-х гг. произошло существенное обновление государственного аппарата, в связи с чем, в частности, произошел переход от доминирования «скупки государства» к доминированию «скупки бизнеса». Возбуждение уголовных дел по обвинению в коррупции порою являлось формой давления власти на бизнес, а также борьбы новой политической элиты против «проигравшего противника». Определенную роль сыграло и осознание обществом угрожающих масштабов коррупции, заставившее власти демонстративно активизировать борьбу с коррупционной преступностью.

Сопоставление динамики зарегистрированных коррупционных преступлений с динамикой всех преступлений показывает, что в начале 2000-х гг. произошел важный структурный сдвиг. Если в 1991–2001 гг. общая преступность росла быстрее коррупционной, то в 2002–2011 гг., как правило, наоборот, коррупционная преступность обгоняла общую, что подтверждает повышение в 2000-е гг. если не результативности борьбы с коррупцией, то, по крайней мере, ее актуальности.

С 2008 г. количество зарегистрированных коррупционных преступлений начинает снижаться (самый резкий спад – более чем на 25% – наблюдался в 2010 г.). Падение количества зарегистрированных

коррупционных преступлений после активизации антикоррупционного нормотворчества в принципе можно рассматривать как доказательство реальной отдачи от борьбы с коррупцией. Однако возможна и иная интерпретация – происходит снижение реальной результативности антикоррупционной политики.

Циклы противодействия коррупции. Наиболее активному воздействию со стороны правоохранительных органов в последние годы подвергается низовой и самый незащищенный слой взяточполучателей (врачи, преподаватели школ и вузов, сотрудники паспортных столов) и взяткодателей (например, водители автомашин, пытавшиеся «решить вопрос» с сотрудником ГИБДД). Фактически борьба ведется не с институциональной коррупцией в целом, а с институтом бытовой рыночной коррупции. Основная же проблема заключается в реальном изобличении и наказании высокопоставленных коррупционеров, а не в показательном осуждении мелких взяточников. Обвинения в коррупции высокопоставленных лиц привели в 2010-е гг. к ряду «громких» отставок (включая, например, отставку мэра Москвы Ю. М. Лужкова в 2010 г. и министра обороны А. Э. Сердюкова в 2012 г.), но отнюдь не открытых судебных процессов. (Хотя осужденные высокопоставленные чиновники,

безусловно, есть, – например, экс-гендиректор Военно-строительного управления Москвы, фигурант «дела Сердюкова», приговорен к 5 годам заключения в колонии общего режима.). Более того, резонансным событием начала 2014 г. стал скандал в антикоррупционном управлении МВД, руководителей и сотрудников которого обвинили в провокации взятки.

Сопоставление периодов усиления/ослабления борьбы с коррупцией с событиями политической жизни России (рис. 3) показывает, что количество зарегистрированных коррупционных преступлений увеличивалось в годы президентских выборов (1996, 2000, 2004 гг.) и снижалось в периоды между ними. Можно предположить, что, стремясь повысить популярность, политический режим усиливал преследование коррупционеров накануне очередных выборов и ослаблял в интервалах между ними: это – одна из форм проявлений политического делового цикла. Во второй половине 2000-х гг. этот цикл ломается, что можно связать с общим ростом в этот период предсказуемости результата очередных выборов и снижением реальной активности борьбы за симпатии избирателей [7].

Если справедлива гипотеза об антикоррупционном политическом деловом цикле, то официальная статистика МВД показывает изменение не столько уровня коррупции, сколько уровня демонстрации стремления бороться с ней, который, в свою очередь, определяется политическими факторами. Борьба с коррупцией развивается в режиме периодических «компаний»,

когда пресечение противозаконной деятельности воспринимается как инструмент борьбы политических и экономических элит. В результате происходит скорее обновление персонального состава элит, чем изменение правил их деятельности.

Перспективы антикоррупционной политики. Демонстрацией готовности правительства бороться с коррупцией служит принятая в 2010 г. Национальная стратегия противодействия коррупции. Этот официальный документ показывает озабоченность политической элиты проблемами коррупции, однако заявленная в этом документе цель – искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, – является по своей сути декларативной. Принятый одновременно с Национальной стратегией в апреле 2010 г. Национальный план противодействия коррупции был рассчитан только на 2010–2011 гг. Впоследствии принимались еще два двухгодичных антикоррупционных плана (Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. и ныне действующий Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 гг. Однако эти программы не вызвали широкого общественного резонанса – возможно, по той причине, что не было гласного подведения итогов выполнения первых двух двухгодичных планов.

В России 2010-х гг. институциональная коррупция объективно играет роль рудимента командной экономики. Коррупционные институты воспроизводят отношения власти-собственности, когда доступ к

Рис. 3. Политический деловой цикл противодействия коррупции (вертикальными линиями отмечены президентские выборы) [7]

(Fig. 3. Political business cycle of corruption counteraction (Vertical lines mark presidential elections))

собственности обусловлен доступом к власти. Это препятствует развитию инновационной экономики и модели социального рыночного хозяйства, консервируя российскую национальную экономику на стадии «бюрократического капитализма», подобно многим странам «третьего мира».

Противодействие институтам «дикого капитализма» 1990-х гг. привело к усилению институтов «культурного восточного деспотизма». Этот сдвиг вызвал более или менее сознательное одобрение в 2000-е гг. большинства россиян, для которых бесконтрольный «буржуй» (а тем более – «буржуй во власти») страшнее бесконтрольного бюрократа-коррупционера. Недавний опыт Украины эту оценку в общем подтвердил⁶.

В то же время в 2010-е гг., по мере роста предпосылок для «культурного капитализма» и для гражданского общества, оценка сравнительной привлекательности бюрократического капитализма все же начинает меняться. Важно отметить, что в опросах общественного мнения к числу наиболее актуальных социальных конфликтов регулярно относят конфликт между «народом и властью» (или между «гражданами и чиновниками»).

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Сращенность теневой экономики и теневой политики // Мир России. 2006. Т. 15. № 3. С. 158–179.
2. Барсукова С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 3. С. 40–56.
3. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: Норма, 2009. 448 с.
4. Кравцова М.В. Трансформация коррупционных отношений в постсоветской России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 1. С. 131–151.
5. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию? // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 4–10.
6. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / под ред. Г. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 752 с.
7. Наумов Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2014. 27 с.
8. Нуреев Р.М. Политическая экономия российской вертикали власти // Экономическая свобода и государство: друзья или враги? СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2012. URL: <http://www.wleontief.ru/upload/program/Nureev1.pdf> (дата обращения: 11.02.2015).

В редакцию материал поступил 05.02. 15

© Латов Ю. В., 2015

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра, Академия управления МВД России

Адрес: 125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8

E-mail: Latov@mail.ru

Как цитировать статью: Латов Ю.В. Коррупция в системе угроз национальной безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 46–53.

⁶ Украина 2014 г. демонстрирует начатое Юлией Тимошенко превращение крупных предпринимателей в государственных деятелей, результаты которого трудно назвать удачными. Новым Президентом Украины стал миллиардер Петр Порошенко, который перед выборами обещал в случае победы продать свой бизнес, однако не спешит это обещание выполнять. На посты губернаторов ряда важнейших областей страны новой властью были назначены представители «большого бизнеса»: главой Днепропетровской областной государственной администрации стал олигарх Игорь Коломойский (второй после Рината Ахметова богатейший человек Украины), Донецкой – олигарх Сергей Тарута. Если ранее власть контролировали «восточные» (донецкие) политики-бизнесмены, то теперь она перешла в руки «центральных» (киевских и днепропетровских).

YU. V. LATOV,

Doctor of Sociology, PhD (Economics), Associate Professor

Academy for Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

CORRUPTION IN THE SYSTEM OF THREATS TO NATIONAL SECURITY OF RUSSIA⁶

Objective: to study the status, dynamics and trends of institutional corruption in Russia and to determine its place in the system of threats to national security.

Methods: universal dialectical method of cognition, and scientific, special and private research methods based on it.

Results: the article presents a comprehensive analysis of institutional corruption. In particular, the dynamics of the dominant forms of corruption, the dynamics of corruption level, the dynamics of the police anti-corruption activity, the cycles of corruption counteraction are viewed; the ways of anti-corruption policy development in Russia are proposed.

Scientific novelty: the theoretical and legal provisions on institutional corruption have been developed and introduced into scientific circulation, as well as its concept, stages, forms, patterns and cycles.

Practical value: the provisions and conclusions of the article can be used in scientific, legislative and law-enforcement activities, as well as in the educational process of higher educational institutions.

Key words: corruption, institutional corruption, threat to national security, anti-corruption activity, anti-corruption policy.

References

1. Barsukova, S.Yu. Srashchennost' tenevoi ekonomiki i tenevoi politiki (Interpenetration of shadow economy and shadow policy). *Mir Rossii*, 2006, vol. 15, no. 3, pp. 158–179.
2. Barsukova, S.Yu. Tenevyie pravila vzaimootnoshenii politikov i predprinimatelei (Shadow rules of interactions between politicians and entrepreneurs). *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 40–56.
3. Nureev, R.M. *Rossiia: osobennosti institutsional'nogo razvitiya* (Russia: features of institutional development). Moscow: Norma, 2009. 448 p.
4. Kravtsova, M.V. *Transformatsiya korruptsionnykh otnoshenii v postsovetskoi Rossii* (Transformation of corruptive relations in post-Soviet Russia). *Terra Economicus*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 131–151.
5. Satarov, G. Kak izmeriat' i kontrolirovat' korruptsiyu? (How to measure and control corruption?) *Voprosy ekonomiki*, 2007, no. 1, pp. 4–10.
6. Satarov, G. *Rossiiskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika. Opyt sotsiologicheskogo analiza* (Russian corruption: level, structure, dynamics. Experience of sociological analysis). Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya», 2013, 752 p.
7. Naumov, Yu.G. *Teoriya i metodologiya protivodeistviya institutsional'noi korruptsii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* (Theory and methodology of counteraction to institutional corruption: abstract of doctoral (Economics) thesis). Moscow, 2014, 27 p.
8. Nureev, R.M. *Politicheskaya ekonomiya rossiiskoi vertikal'noy vlasti. Ekonomicheskaya svoboda i gosudarstvo: druz'ya ili vragi?* (Political economy of the Russian vertical of power. Economic freedom and state: friends or enemies?) Saint-Petersburg: Mezhdunarodnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy «Leont'evskii tsentr», 2012, available at: <http://www.wleontief.ru/upload/program/Nureev1.pdf> (accessed: 11.02.2015).

Received 05.02.15

Information about the author

Latov Yuriy Valeryevich, Doctor of Sociology, PhD (Economics), Associate Professor, Leading Researcher of Scientific Center, Academy for Management of the Russian Ministry of Internal Affairs

Address: 8 Kosmodemyanskikh Str., 125171, Moscow

E-mail: Latov@mail.ru

How to cite the article: Latov Yu.V. Corruption in the system of threats to national security of Russia. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 1 (33), pp. 46–53.

© Latov Yu.V., 2015

⁶ The author is grateful to Doctor of Economics Yu.G. Naumov for assistance in collecting materials.